

Казанский Константин Константинович

**Суфизм с точки зрения
современной психопатологии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Константинович К.**
Суфизм с точки зрения современной психопатологии / Казанский Константин Константи-
нович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 155 с.

ISBN 978-5-519-87582-0

ISBN 978-5-519-87582-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Понятіе о мистикѣ, ея происхожденіе изъ разсѣяннаго возбужденія. — Опредѣленіе мистики М. Пордау. — Искусственная мистика.

Роль мистики въ психической жизни какъ отдѣльной личности, такъ и даннаго общества, можетъ быть выяснена только въ томъ случаѣ, когда самое явленіе будетъ разсматриваться путемъ естественнаго метода. Понятіе о мистицизмѣ, знакомое повидимому каждому, не находило однако себѣ правильного опредѣленія, пока явленіе разсматривалось съ точки зрѣнія метафизическихъ ученій о личности. Но съ тѣхъ поръ, какъ фізіологическая психологія пробила себѣ путь въ науку, мистицизмъ по всей справедливости долженъ будетъ стать предметомъ клиническаго наблюденія. Патологическая основа психическихъ процессовъ у мистика выступить съ достаточною яркостью лишь при систематическомъ изученіи ея проявленій, при чемъ послѣдовательный переходъ отъ наиболѣе рѣзкихъ уклоненій къ симптомамъ, мало отступающимъ отъ нормы, въ значительной степени облегчитъ задачу психолога-клинициста. Какъ невозможно установленіе точной границы между здоровымъ и больнымъ организмомъ вообще, какъ трудно опредѣлимъ тотъ моментъ, съ котораго начинается патологическое отступленіе отъ нормальной дѣятельности любого органа, такъ еще болѣе неуловимъ переходъ отъ здороваго и правильнаго функціонированія органа мышленія къ тому болѣзненному отношенію человѣческаго духа къ явленіямъ вышшняго міра,

которое извѣстно подъ именемъ мистицизма. Метафизическая философія спокойно игнорировала явно патологическія особенности, сопровождающія мистику и цѣпила въ ней лишь то настроеніе души, которое приводило ее къ ощущенію «абсолютнаго». Между тѣмъ положительная наука принуждена была признать это ощущеніе какъ разъ лежащимъ на границѣ между нормальнымъ и патологическимъ состояніемъ сознанія. То, что въ лучшемъ случаѣ строгимъ философскимъ умомъ признается какъ чистая идея, реальность которой, находясь внѣ нашего ума, составляетъ предметъ научнаго сомнѣнія или вѣры, мистикой считается непреложной дѣйствительностью, которую можно ощущать, осязать, а слѣдовательно и изучать. Въ составъ этого ощущенія абсолютнаго мистика вводитъ главными элементами чувство красоты, блага, любви, наивно предполагая, что эти чувства не составляютъ результата психо-физиологическаго строенія, а суть продукты сверхъестественныя. Стремленіе мистиковъ погрузиться въ абсолютное, отождествляемое со стремленіемъ слиться съ безконечнымъ, вытекаетъ изъ неправильно понятаго физиологическаго факта, извѣстнаго въ положительной наукѣ подъ именемъ разсѣяннаго возбужденія (*excitation diffuse*).

Необходимо помнить, что возникающій въ нашемъ сознаніи образъ предмета не есть его точный отпечатокъ и не имѣетъ характера совершенно отчетливаго оттиска, а всегда сопровождается извѣстнымъ ореоломъ, состоящимъ изъ побочных соотношеній его къ другимъ предметамъ, его извѣстной окраски, его значенія для нашего дальнѣйшаго поведенія и т. д. Отъ этого и наше мышленіе, оставаясь въ предѣлахъ нормальнаго хода, идя отъ опыта къ извѣстному выводу и заключенію, не представляетъ тѣмъ не менѣе одинаковой для всѣхъ и кратчайшей линіи, а даетъ самые разнообразныя зигзаги и уклоненія. Наше сознаніе останавливается при этомъ всегда на одной какой-нибудь сторонѣ объекта мысли, а остальные стараются или игнорировать или отвергнуть, и на эту

избирательную работу каждый из нас тратит время и энергию въ зависимости отъ особенностей его мыслительнаго процесса. «Наша душа», говоря словами В. Джемса, «слѣдуетъ своему собственному пути, когда рѣшается, какія въ частности ощущенія признать за болѣе реальныя и существенныя, чѣмъ остальные». И чѣмъ выше сфера дѣятельности органа мышленія, тѣмъ болѣе имѣетъ значенія избирательная роль нашего сознанія, такъ какъ въ эстетической области, въ особенности въ сферѣ нравственности; образы предметовъ отличаются наибольшимъ психическимъ ореоломъ, который наподобіе сіянія окружаетъ ихъ формы. «Такъ, точное представленіе о красотѣ, говоритъ Фулье: бываетъ окружено цѣлымъ роємъ неясныхъ образовъ, ускользающихъ отъ изслѣдованія и составляющихъ внутри насъ какъ-бы полутѣнь вокругъ этого представленія». Но чувство красоты производитъ подобное же дѣйствіе: около главной эмоции, какъ около центра, располагается безъ точныхъ границъ масса другихъ неопредѣленныхъ движеній, въ общемъ придающихъ прекрасному характеръ безконечности. И если ассоціація идей и представленій, порожаемая красою, растягиваетъ наши чувствованія въ численномъ и пространственномъ отношеніи, то ассоціація воспоминаній помогаетъ этому растяженію въ отношеніи истекшаго времени, а присоединяющееся ко всякому эстетическому наслажденію желаніе, всегда неопредѣленное, еще болѣе усиливаетъ неудовлетворенное стремленіе къ безконечному въ будущемъ. Вотъ это-то томленіе безконечностью (*tourment de l'infini*), составляющее нормальный психо-фізіологическій фактъ, съ которымъ здоровое состояніе сознанія должно считаться и ограничивать его вліяніе, признается мистикой явленіемъ сверхъестественнымъ и неизбежно приводящимъ къ «абсолютному». Не зная мѣры въ допущеніи побочныхъ идей, представленій, чувствованій и желаній, мистикъ перестаетъ справляться съ загромаждающими его психическій органъ возбужденіями и останавливается часто не на основныхъ идеяхъ и чувствахъ, а на

смежныхъ или находящихся въ отдаленной связи съ ними, нерѣдко подозрительныхъ и опасныхъ.

Метафизика не считалась съ этимъ двусмысленнымъ положеніемъ мистическаго чувства. Такъ, Гартманъ, перечисляя сопутствующія мистицизму болѣзненные отклоненія, придаетъ имъ характеръ случайности и противопоставляетъ общей картинѣ патологическихъ признаковъ отдѣльные примѣры, гдѣ тотъ или другой изъ симптомовъ оказывается отсутствующимъ. Но въ области душевной патологии также, какъ и нормальной фізіологіи, незыблемость законовъ не исключаетъ индивидуальности. Если въ природѣ не найдется двухъ совершенно одинаковыхъ особей, то неудивительно, если мы не встрѣтимъ и двухъ совершенно одинаково протекающихъ формъ одной и той же болѣзни. Полный симптомокомплексъ того или другого страданія встрѣчается развѣ только въ руководствахъ по патологии, но у постели больного мы не находимъ обыкновенно полной картины болѣзненныхъ признаковъ, хотя болѣзнь отъ этого не становится легче. Въ своемъ перечисленіи сопровождающихъ мистику особенностей Гартманъ не отрицаетъ отвораченія мистиковъ къ дѣятельной жизни, склонности къ квиетизму и безмятежной созерцательности, стремленій къ духовному и тѣлесному нигилизму, признаетъ существованіе при ней первныхъ страданій, выражающихся въ формѣ эпилепсін, судорогъ, экстазовъ, ипохондрическаго настроенія, галлюцинацій, допускаетъ аскетизмъ и рядомъ съ нимъ необузданную страсть къ распутству, упоминаетъ наконецъ о свойствахъ письма и рѣчи, въ которыхъ преобладаетъ распущенная образность, аллегоричность, произвольная игра словами, формальный параллелизмъ, темпота и неясность языка, но при всемъ этомъ не считаетъ указанныя свойства чѣмъ-либо существенно важнымъ и придаетъ имъ характеръ случайныхъ complicаций. Очистивъ отъ постороннихъ примѣсей зерно мистики, философъ утверждаетъ, что «истинная мистика есть нѣчто глубоко лежащее въ существѣ человѣка, нѣчто само по себѣ нормальное,

хотя и легко допускающее болѣзненные наросты, нѣчто высоко цѣнное, какъ для индивидуума, такъ и для человѣчества». Доводомъ въ пользу такого сужденія о мистикѣ Гартманъ выставляетъ главнымъ образомъ давность ея существованія, которое «безъ перерыва проходитъ чрезъ всю культурную исторію человѣчества, начиная съ доисторической древности и до настоящаго времени» *). Доказательство для Гартмана слишкомъ слабое. Вѣдь и душевныя болѣзни могутъ также постоять за свою давность въ исторіи культуры, однако нормальность ихъ существованія можно защищать лишь постолько, поскольку нормальнѣйшій законъ зависимости человеческой души отъ извѣстныхъ внутреннихъ и внешнихъ условій, при нарушении которыхъ неизбежно должно послѣдовать отступленіе отъ состоянія равновѣсія. Въ этомъ смыслѣ не только мистика составляетъ явленіе нормальное, но конечно нормально и всякое патологическое состояніе, какъ результатъ неустойчивости и несовершенства нашей организаціи, легко поддающейся вліянію неблагоприятныхъ условій. Органъ нашей психической жизни, находящійся въ состояніи непрерывнаго функциональнаго развитія и благодаря своему деликатнѣйшему, еще только едва намѣченному наукой строенію, встрѣчаетъ для себя столько ненормальныхъ условій, лежащихъ какъ въ самомъ организмѣ, такъ и внѣ его, что по справедливости можетъ считаться наименѣе уравновѣшеннымъ изъ всѣхъ органовъ тѣла. Онъ какъ-бы отъ природы несетъ уже въ себѣ патологическіе зародыши.

Къ числу этихъ неустойчивыхъ элементовъ нашего органа психической жизни нужно отнести и мистическое чувство. Его корни лежатъ подъ слоями пробуждающагося самопознанія, гдѣ представленіе о нашемъ «я» возсоздается еще только изъ физическихъ основъ личности и гдѣ на образованіе этого «я» еще не достаточно вліяютъ выводы изъ общей природы

*) Ed. Hartmann. Philosophie des Unbewussten. Berlin 1873. I. c.

и условій сознательной жизни, гдѣ главный элементъ формирующагося сознанія индивидуальности составляетъ общее чувство существованія. Основное чувство органической жизни есть результатъ множественныхъ ощущеній, получаемыхъ отъ разнообразныхъ органовъ тѣла и пока оно не достигаетъ извѣстной степени интенсивности, оно остается подъ порогомъ сознанія, заглушаясь въ большинствѣ случаевъ высшими рядами психической дѣятельности. Это общее чувство въ силу непрерывнаго своего повторенія такъ тѣсно сливается съ нами, что искать его—говорить Рибо—значило-бы искать насъ самихъ. Постоянно дѣятельное, оно своей непрерывностью восполняетъ свою незначительность. Но какъ равнодѣйствующая многообразныхъ и второстепенныхъ силъ оно легко мѣняетъ точку приложенія, обнаруживаясь то въ видѣ ощущенія общаго благосостоянія, то давая себя знать чувствомъ общаго недомоганія или наконецъ другими видами нашего самочувствія. Настроеніе духа зависитъ отъ игры этого общаго чувства. Его повышенный или пониженный тонъ то доставляетъ минуты поэтического вдохновенія, подъема духа, религіознаго экстаза, то погружаетъ въ мрачное состояніе подавленности, неудовлетворенности, безотчетнаго страха и пессимизма. Игра общаго чувства равно отражается и на влюбленной парѣ, объятай тишиной благоухающаго лѣса и на киргизѣ, качающемся на спинѣ верблюда, отмѣривающаго мѣрнымъ шагомъ необъятную степь, и на ребенкѣ, запуганномъ пиявкой, когда оставляютъ его въ темнотѣ. Остающееся при обычномъ состояніи уравновѣшенности подъ порогомъ сознанія это неопредѣленное чувство, если оно изолируется при извѣстной обстановкѣ отъ воспріятій повседневной сутолоки, требующей отъ мысленія строгой дисциплины, наполняетъ сознаніе такимъ содержаніемъ, которое, будучи извлечено изъ области безсознательнаго, не находитъ подтвержденія въ логическихъ выводахъ и правильно настроенныхъ умозаключеніяхъ. Вотъ здѣсь-то и лежатъ первые признаки угрожающей опасности. Органическое сознаніе, на которомъ

должно было-бы покониться чувство индивидуальности, отнынѣ пріобрѣтаетъ ложное направленіе; оно отказывается отъ нормальнаго пути изслѣдованія, начинаетъ пренебрегать опытомъ и наблюденіемъ, логической мыслью, даже простою вѣрою и возводитъ свои построенія при помощи воображенія и внутреннихъ внутреннихъ чувства. Явленія внѣшняго міра утрачиваютъ свои отношенія къ времени и пространству, къ обязательной связи по законамъ причинности и послѣдовательности и вступаютъ въ зависимость и отношенія сверхчувственные и духовныя, чуждыя для точнаго изслѣдованія и таинственныя.

Разница въ душевной дѣятельности здороваго и больного чловѣка заключается главнымъ образомъ въ томъ, что у перваго въ работѣ психическаго органа первенствующую роль играетъ внѣшнее возбужденіе, которое по мѣрѣ прохожденія процессовъ внѣшняго міра отражается опредѣленною и соответственною связью процессовъ сознанія, тогда какъ у больного психическій механизмъ побуждается къ дѣятельности раздраженіями самостоятельнаго характера, возбужденіями внутренняго происхожденія; отъ этого внѣшній міръ для него становится или совершенно чуждымъ, или же въ него переносятся порожденные внутреннимъ міромъ фантазмы, отчего онъ и пріобрѣтаетъ въ представленіяхъ больного совершенно неправильную, не реальную окраску.

Органъ сознанія у мистика стоитъ на распутьи этихъ двухъ дорогъ. Явленія внѣшняго міра, вызывая соответствующее раздраженіе, доходятъ у мистика до чувствительнаго аппарата въ болѣе или менѣе правильномъ неискаженномъ видѣ, и далѣе, направляясь по сложному пути къ центру воспріятія, они еще въ области перцепціи сохраняютъ свои нормальныя отношенія, но, достигнувъ послѣдняго своего этапа въ органѣ аперцепціи, извращаются здѣсь на столько, что въ сознаніи поступаютъ въ формѣ ложныхъ, не отвѣчающихъ дѣйствительности свѣдѣній объ истинномъ источникѣ первоначальнаго

раздраженія *). Поэтому взаимоотношенія вѣшняго міра и познающаго субъекта пріобрѣтають у мистика психически-иллюзорный характеръ, т. е. чувственное возбужденіе перерабатывается корковымъ органомъ воспріятія въ представленія, гораздо болѣе отвѣчающія душевнымъ настроеніямъ и общему тону безсознательной душевной жизни, нежели дѣйствительности.

Причину этого отступленія отъ нормы со стороны дѣйствительности воспринимающаго центра нужно искать въ аномаліяхъ вниманія, а равно и въ отсутствіи опыта, при помощи котораго вырабатывается навыкъ различать сходныя явленія. Для мистическаго ума процессъ наблюденія становится непосильною тяжестью. Вѣдь наблюдать—значитъ доставлять органу мышленія отчетливыя впечатлѣнія и ставить этимъ извѣстную группу представленій въ условія интенсивности и ясности, чтобы тѣмъ самымъ дать имъ въ сознаніи преобладающее значеніе, при которомъ подходящіе къ нимъ воспоминательные образы пробуждаются, а отдаленные или несвязанные съ ними подавляются. Необходима слѣдовательно извѣстная дѣятельность дисциплинирующей воли, которая называется вниманіемъ.

Организмъ ежеминутно получаетъ отъ своихъ чувствительныхъ приборовъ такой громадный наплывъ впечатлѣній, что еслибъ онъ не обладалъ спасительною ограниченностью сознанія, то окончательно растерялся бы въ потокъ ощущеній и ихъ послѣдствій. Но при помощи вниманія не все, что стучится въ дверь нашего сознанія, имѣетъ доступъ къ нему. Какъ опытный привратникъ, оно однихъ посѣтителей оставляетъ

*) Вундтъ ради нагляднаго объясненія сравниваетъ сознаніе съ полемъ зрѣнія глаза. Имѣющіяся въ данный моментъ въ нашемъ сознаніи представленія находятся въ полѣ зрѣнія; представленія же, на которыхъ сосредоточивается наше вниманіе отвѣчаютъ *точкѣ фиксаціи сознанія*. При этой аналогіи вступленіе во внутреннее поле зрѣнія можетъ быть названо *перцепціей*, а вступленіе его во внутреннюю точку зрѣнія—*аперцепціей*. См. Вундтъ „Основ. физиологич. психологій“, стр. 748.

за порогомъ, другихъ пускаетъ въ переднюю и лишь немногихъ провожаетъ до внутреннихъ покоевъ. Эта подбирающая работа вниманія обезпечиваетъ интересъ къ извѣстному овладѣвающему нами въ данный моментъ циклу идей, препятствуя вторженію въ него постороннихъ образовъ и сосредоточивая мозговую дѣятельность въ опредѣленной сферѣ, отчего она получаетъ характеръ объединяющаго и сплоченнаго процесса. Поэтому Рибо и называетъ его «умственнымъ моноидеизмомъ, сопровождаемымъ непронизительнымъ или искусственнымъ приспособленіемъ индивидуума»^{*)}). Его значеніе для насъ громадно: отъ него зависитъ глубина познанія нами внѣшняго міра. Безъ него это познаніе было бы труднѣе достижимо и менѣе совершенно. Продолжительность и интенсивность процесса приспособленія въ свою очередь находится въ зависимости отъ физиологическаго состоянія мозговыхъ клѣтокъ, этихъ носителей господствующихъ въ данный моментъ идей. Съ ихъ истощеніемъ преобладаніе передается другимъ группамъ нервныхъ клѣтокъ, которыя при достиженіи извѣстной силы напряженія приспособлываютъ организмъ къ новымъ цѣлямъ.

Способность ассоціаціи идей опредѣляется такимъ образомъ прежде всего при помощи вниманія, а вниманіе ничто другое, какъ способность воли опредѣлять степень ясности, продолжительность и тусклость представленій въ сознаніи. Чѣмъ сильнѣе воля, тѣмъ совершеннѣе можемъ мы приспособить весь нашъ организмъ къ данному представленію, тѣмъ болѣе можемъ создать чувственныхъ впечатлѣній, которыя служили бы для его уясненія, тѣмъ болѣе можемъ извлечь посредствомъ ассоціаціи идей воспоминательныхъ образовъ, его дополняющихъ и рѣшающихъ и тѣмъ безапелляционнѣе подавить представленія, которыя мѣшаютъ главному или чужды ему—словомъ тѣмъ совершеннѣе и вѣрнѣе будетъ наше понятіе о явленіяхъ и ихъ взаимныхъ связяхъ. Этимъ путемъ

^{*)} Th. Ribot. *Psychologie de l'attention*. Paris. 1889. I. c.

выработало человечество свои непреложныя истины, свою культуру и господство надъ силами природы.

Съ другой стороны въ фізіологической жизни нашего органа мысленія встрѣчаются моменты діаметрально противоположные описаннымъ, когда дѣятельность падаетъ до minimum'a. Это состояніе бездѣйствія сопровождается отсутствіемъ всякаго единства системы идей и носитъ названіе разсѣяннаго вниманія. «Большинство людей, говоритъ Джемсъ: ежедневно испытываетъ состояніе, когда глаза устремляются въ пространство, звуки, доносясь извнѣ, сливаются въ однообразный смутный гулъ, вниманіе разсѣивается настолько, что все тѣло ощущается какъ-бы сразу, а передній планъ сознанія переполняется какимъ-то печальнымъ чувствомъ подчиненія безплодно проходящему времени. На заднемъ фонѣ мысленія мы смутно представляемъ себѣ, что должны что-то сдѣлать: встать, одѣться, отвѣтить лицу, говорившему съ нами передъ этимъ,—словомъ, сдѣлать слѣдующій шагъ въ нашемъ размысленіи. Но почему-то мы не можемъ двинуться. *La pensée de derrière la tête* еще не можетъ прорваться чрезъ оболочку летаргіи, которая сковываетъ наше душевное состояніе. Каждое мгновеніе ожидаемъ мы, что эта оболочка, наконецъ, разорвется, ибо не сознаемъ никакихъ причинъ, почему такое состояніе могло бы длиться. А между тѣмъ оно продолжается мгновеніе за мгновеніемъ и по прежнему мы куда-то плывемъ...»

Это и есть крайній предѣлъ того, что называется разсѣяннымъ вниманіемъ. Оно посѣщаетъ чаще всего натуры слабыя, для которыхъ всякое волевое напряженіе тяжело и невыносимо. На этой почвѣ безсилія представленія, врываясь въ сознаніе безъ всякой системы, также легко исчезаютъ, какъ и зарождаются, слетаются въ неожиданныя, часто автоматическія сочетанія и какъ бы кружатся въ бѣшеннѣйшей пляскѣ, которую не можетъ остановить волевое усиліе, чуждыя между собой онѣ заполняютъ поле перцепціи и вступаютъ въ неожиданныя сочетанія, отчето сознаніе получаетъ искаженное и